

Зависть

Давненько не видал я своего старинного приятеля. Учились когда-то в одной школе, в индустриальном техникуме, даже в армии после двухгодичной отработки на комбинате (была в те годы такая практика) вместе закончили школу младших командиров. Затем, спустя годы, несколько эпизодических встреч: «Ну как ты? В каком цехе? как семья?» И только-то. Рубаха-парень, душа-человек...

А тут встретил его, будучи в командировке в другом городе. Что-то неприятное и безнадежно-усталое было в его глазах. Он тоже молчал по каким-то своим делам, тоже обрадовался неожиданной встрече. С дневными делами было покончено, вечерело. Завернули ко мне в гостиницу. С комбината он давно ушел. Признался, что как только заработал горячий стаж, душа стала просить другого. Посетовал на характер своей непоседливости. Работал в Норильске, Восточной Сибири, на Сахалине, в Ямбурге... А как только началась перестройка — вернулся в Магнитку. Первая жена (такая тихая и кроткая), родив ему сына, обрела железную твердость и категорически потребовала больших заработков. Гниешь-де тут на своем комбинате, ни денег толком не видишь, ни света белого. Вон бывший одноклассник ее золотишко добывает на северах полгода, а полгода водит свою благоверную по ресторанам и театрам, уже и в Крым ее свозил, и в Болгарию, а теперь угрожает европейским круизом. Сидит дома, лелеет чадо свое. Глянешь на нее — кровь с молоком. Машина, дача, и сама вся в золоте ходит...

Конечно же, понимал Виктор, что так бы и надо жить, что не будет женщина обаятельной и прекрасной после толкучки в очередях, трамваях, автобусах, после своих примитивных трудов на благо родины в какой-нибудь захудалой конторе или, тем более, на тяжелом производстве. Но ведь есть же примеры иного порядка, совсем рядом, как говорит жена...

Тут как раз подошло время получать квартиру. Переехали. Для приличия поработал маленько и расстался с родной бригадой. Деньги на севере платили неплохие, но и жизнь была значительно дороже. Жена от вахты к вахте становилась все холоднее и зыблительней, а дружок засталил как-то к себе и за бутылкой поведал о том, что в его отсутствие, днем час-тенно встречает ее в машине одного ушлого коммерсанта. Тут-то и соединились последовательно звенья заржавелой цепи его семейной жизни. На очередной вахте вспомнились ее разговоры о том, что горбатятся на севере теперь только дураки. Время настало такое, что деньги можно лопатой грести и дома. Совсем

сопливые разъезжают в иномарках, в коже, в шикарном прикиде... Не дождавшись конца вахты, рассчитался, прилетел в город. Плюнул на всякий стыд: выследил свою благоверную... Тут же расстался.

Можно было вернуться в цех да гордость, что ли, не позволила. Прибился к одной коммерческой фирме. Хватало там, как говорится, и ртом, и... Создавали первоначальный капитал. Создали. Не смогли поделить. Разбежались кто куда. Опять душа тоскливо скалась, преисполнилась какой-то неприкаянности. Но деньги были, хотя и летели стремительно. Вскоре на одной из вечеринок познакомился с приятной, очень сдержанной и разумной женщиной. А спустя месяц перебрался от матери к ней. Решили начать свое дело. Она работала в строительном тресте, растила восьмилетнего сына. Рассчиталась, оформила патент на занятия торговлей. И вот уже скоро два года, как он разъезжает по России, скупая подходящий товар, а она весьма удачно сбывает его в Магнитке... И ничего предосудительного в этом нет. Практически все магазины приватизированы и занимаются тем же, только в больших масштабах. Да и зачастую цены у них ниже, чем в этих магазинах. А добывать и доставлять товар нынче весьма небезопасно. Равно как и торговать им. Работа, в общем, не из легких, хотя все по закону и разрешено. Дом — полная чаша. Купили машину, дачу, расширили квартиру...

С подругой живут они вроде бы душа в душу. Но любил он все-таки первую. А разрушила их жизнь, как он понимает теперь, зависть. Распроклятая тысячу и один раз зависть! Ведь не стань он тогда, после рождения сына, чем-то вроде балаганного дергунчика или марионетки при своей лукавой супруге, возможно, все было бы иначе. Друзья и на комбинате почти все с машинами и дачами, одеваются прилично, зарабатывают по сравнению с другими неплохо. Хотя, конечно же, при такой адской работе зарабатывать должны значительно больше. Может быть, излишняя непоседливость и романтика сыграли с ним злую шутку?..

В тот вечер припомнили мы с Виктором длинную вереницу знакомых, в чьих семьях неумная, болезненная, а подчас и просто черная зависть свила свое мрачное гнездо. У этой зависти короткий и жесткий повод. Женщинам, пораженным ею, далеко не всем в наше время светит остаться у разбитого корыта (хотя это в равной степени относится и к мужчинам). Потому-то и идут они ва-банк, плюнув на благородство, достоинство и честь, подчиняя себе и волоча на удачке зависти родных и близких, погрязаящих в накопительстве и вещизме, выхо-

лачивая их светлые сердца, заряжая стяжательством, цинизмом и равнодушием. Во все времена, во всех сферах жизни гармония призвала людей к чувству меры. И, конечно же, любые отклонения от этого ведут к уродливости. Наверное, и бедность — порок, в том случае, когда ее можно избежать, не уродя себя нравственно. Тогда и богатство не может быть пороком, если оно нажито честным трудом, без унижения близких и дальних. Личное дело человека, если он скопил на машину или дачу, отказывая себе во многом, если не в самом главном. К сожалению, зависть не разборчива. Она разъедает нас исподволь, незаметно, не оставляя времени и сил на осмысление своих возможностей, не позволяя убедить себя в том, что по труду и честь, и благо, что живем мы в далеком несовершенном мире, что если захочешь подняться выше своего разумного, праведного «потолка» — придется преступить нормы нравственности, общежития, человеческого бытия, а подчас и закона. А все это — болезнь и уродство, следствие той самой черной зависти, которая в череде прочих людских пороков словно специально создана для растления наших душ, для отчуждения и разобщения, для разрушения доброты, красоты и тепла во взаимоотношениях.

Нетрудно понять, почему именно в наше время зависть достигла апогея. Во все щели полезло наружу наше темное естество, столь скрупулезно и тщательно сдерживаемое рамками прежней системы. Подобный диссонанс тоже объясним, ибо привыкли мы рушить старый дом, не построив нового. На гребне безвременья и эйфории искушение как никогда велико. Продолжается активная ломка прежнего жизненного уклада, рушатся многолетние устои, в нынешней сумятице немало кривых зеркал, в которых не просто разглядеть свое нормальное лицо. Но не следует забывать, что наряду с темным из человека исходят рабские и униженности, тупая покорность и животный страх, плебейство и стадность. Ростки творчества, духовной раскрепощенности, разумной, а не дикой свободы крепнут и тянутся к солнцу. А потому и хочется верить, что переживем мы это непростое время, переболеем всеми его болезнями, выработаем надежный иммунитет. Хочется верить, что каждый найдет свое достойное место в стране, свою полезную нишу, в которой станет надежным кирпичиком. И тогда, может быть, не останется места для многих наших пороков.

Дай-то Бог!

А. ПАВЛОВ

Людмила ГРИЦЕНКО

Рыночные пародии

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

*Цена — не только цифр сплетенье,
Не чьей-то прихоти игра,
Цена — всегда преодоление
Себя, какой
была
вчера.*

Булат ОКУДЖАВА

*Вы слышите, как взвыл народ с тоски,
А цены ошалело вверх летят?
И женщины глядят из-под руки
На нолики, уставленные в ряд.*

Александр ПУШКИН

*Я помню чудные мгновенья,
Когда за три-шестьдесят две
Нас посещали и виденья,
И девы в чудной синеве.*

*В томленьях грусти безнадежной
Я помню цены прошлых лет:
Совсем копейки — творог свежий,
И рубль — двадцать за обед.*

Михаил ЛЕРМОНТОВ

*С ценой свыкаюсь осторожно,
Все дорожает в тыщу раз —
Вино, шампанское... Но квас
Забить мне просто невозможно.*

*И к мысли этой не привык,
Хоть крест несущий без роптанья:
В России рынок — достоянье.
Пусть будет так. Я жизнь постиг...*

Люблю я рынок странною любовью

Что касается меня, то я — обеими руками за рынок. Конечно, рост зарплат не успевает за ростом цен. Однако, в магазинах есть все, чего только душа пожелает (понятное дело, если душа не чересчур прихотлива).

Из продуктовых магазинов сейчас я больше уважаю «Океан». И выбор продуктов там богатый, и ассортимент меняется чуть ли не каждый день, и принимают там покупателя приветливо. А еще мне нравится, что вечерами, когда, в основном, заходишь в магазины, здесь ни в одном отделе продавец не пересчитывает судорожно выручку, не ругается с покупателями: «Вы бы еще ночью пришли!», не убегают на полчаса ту выручку сдавать. Здесь все делается быстро и совершенно незаметно, по какой-то собственной системе. И пусть цены здесь не самые дешевые, но современное оформление торгового зала, приятное обслуживание, ориентированное на удобство покупателя, а в результате и сохранение наших нервных клеток, стоит того, чтобы отовариваться в «Океане» хотя бы раз в неделю.

Из промтоварных магазинов я предпочитаю универсамы. В них можно купить сразу все необходимое. И соответственно поведению, и соответственно размерам своего кошелька. А то зайдешь, например, в «Зори» со своими двадцатью тысячами (ну чем еще, если не справленной обновкой, женщина может себе душу отвести, настроение поднять), и не знаешь, куда с ними «кинуться». Ну, все нужно. Ну, все нравится. В одном отделе блузку приглядела, в другом — туфли, в третьем — чайные пары, а в четвертом — браслетик. И все по отдельности — как раз в пределах моих финансов. А прогадать не хочется. Ну что в хозяйстве сегодня нужнее? Чашки чайные почти все перебились. Блузки, что есть, уже совсем приелись, да еще скоро на день рождения идти. Туфли — как раз такие давно искала, легкие, удобные, импортные, сравнительно недорогие. А браслет... резной мельхиор так и подмигивает сиреневым шармом. Так. Туфли до лета еще потерпят. Гостей, хоть и за два приема, но пока есть из чего чаем напоить. Блузку из двух стареньких одну новую скомбинирую. Ну а браслет-то, господи!.. Если сегодня не куплю, то завтра его либо не будет, либо подорожает.

Пришла в новом браслете на работу — девочки попадали. Во какую нужную вещь купила!

Да. Нам это за счастье, а кое-кто на такие вещи даже и не смотрит. Владельцы толстых кошельков, говорят, приобретают обновки в элитных магазинах — «Славянке», «Урале», «Контакте», «У Петровича». Тут мне одна знакомая рассказывала, что в «Славянке» раньше работала. Никогда бы, мол, не поверила, что в городе у нас так много богатых людей, если бы сама не видела. Про цены сразу даже и не спрашивают. Качество разглядывают, на этикетках палочки высчитывают, цвета выверяют. Натуральное, дешеское, или ненатуральное. И берут то, что дороже. А если кто сразу ценой интересуется — понятное дело, по ошибке тот забрел. Была я в той «Славянке». Зеркала кругом, мрамор. Все переливается. Красотища! Как в музее: Руками ни к чему не прикасаюсь. На цены даже и не смотрю — страшно. И вдруг вижу — что-то удивительно родное и знакомое, очень не гармонирующее со всей окружающей обстановкой. Батюшки! Да то же мое собственное отражение в зеркале. Как увидела себя, расстроилась и ушла, чтобы в магазине декорации не портить.

Живут же люди! А вот соседка у меня, например, маленькую пенсию получает. Так она чуть ли не каждый день все магазины облетает, высматривает цены, а потом берет, где что подешевле. Конечно, какую-то экономию ей это и составляет, но я отказалась от такой практики. Потраченный на беготню по магазинам выходной день не стоит десятка, сэкономленной на пачке жира да сотни, сэкономленной на курице. Да и голова после таких «походов» кругом идет. Перед глазами все цифры, цифры карусель водят. Даже в эту добрую шоколадку взглядываешься: боже, неужели она 70 тысяч стоит? А там на ценнике, оказывается, после семисот точка стоит и два нолика приписаны — копеек, мол, не надо. И это, выходит, у меня самой настолько все закружилось, перемешалось, что в тысячах все мерять начала. И бросила я подобный образом выходные дни проводить. Беру те продукты, что есть в ближайшем магазине.

А вот разница на промышленные товары бывает более значительной. И здесь уже выручают контакты с сослуживцами, родственниками, друзьями. Любая встреча переходит в разговор о том, что где почем. А там уже планируют целенаправленный маршрут.

Моя свекровь раньше говаривала: «Мы не на-

столько богаты, чтобы покупать дешевые вещи». Да только дудки все это. Что касается цены и качества, то я совершенно твердо убедилась, что прямой зависимости эти два понятия абсолютно не имеют. К примеру, на рынке я выдела лимоны по 2 тысячи за штуку, а в «Маяке» за килограмм уплатила всего 1900 рублей. И качество их ничуть не хуже рыночных. А, скажем, один и тот же шампунь «Лаванда», произведенный на одном и том же заводе, в «Промтоварах» на Металлургов стоит 500 рублей, а в «Юбилейном» на Ворошилова — 300. Какая уж тут разница качества! Один и тот же майонез производства нашего Магнитогорского майонезного цеха где стоит 370 рублей, а где уже 400 и 420. Понятное дело, что инфляция. Понятное дело, что одни магазины самостоятельно закупают товар, другие пользуются услугами посредников. Понятное дело, что формы собственности разные. Понятное дело, что по всем этим причинам цены различаются. Но ведь качество товара почти нигде не гарантируют! Туфли расползаются, телевизор сгорает, полукоченная колбаса, купленная в продуктовом магазине для слабовидящих, в этот же вечер абсолютно зеленеет до малахитовой кондиции. Хорошо еще, что туфли можно заменить, телевизор сдать обратно, а вот последствия от той колбасы могут оказаться непоправимыми.

А вообще я на жизнь не жалуюсь. Те товары, которые теперь запросто лежат на прилавках, мы никогда раньше и в глаза не видели. Импортную обувь встречали только на ножках торговых работников, меха — на их же шеях, хрусталь — в их же квартирах. А теперь все это совершенно свободно. Бери — не хочу. Были бы только деньги.

И хотя не так много еще магазинов, где любят свое дело и уважают покупателя в нашем лице... И хотя так мало еще торговых работников, умеющих и желающих продать нам свой товар... И хотя фраза «Не нравится — не бери!» все еще осталась проводником основной части нашей торговли... Все-таки появились магазины, в которые заходишь с удовольствием, и в которых непременно хочется что-нибудь купить. А поэтому я — обеими руками за рынок. А когда я задумалась, что могли бы сказать знаменитые поэты о сегодняшней инфляции, вот что у меня получилось.

Л. ГРИЦЕНКО